

Нет автора

**Отчет о 3-м присуждении наград графа
Уварова**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о 3-м присуждении наград графа Уварова / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 80 с.

ISBN 978-5-4241-8471-0

ISBN 978-5-4241-8471-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ
О
ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ
УВАРОВСКИХЪ НАГРАДЪ,
ЧИТАННЫЙ
ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,
ИСПРАВЛЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ НЕПРЕРЫВНАГО СЕКРЕТАРЯ
АКАДЕМИКОМЪ **К. С. Веселовскимъ.**
25 Сентября 1889.

Нынѣшній годъ есть третій — существованія Уваровскихъ наградъ и въ третій разъ не оказалось возможнымъ увѣнчать ни одно изъ драматическихъ сочиненій, бывшихъ на состязаніи. Такой результатъ не составляетъ для Академіи неожиданности, равно какъ не можетъ удивлять никого, кто вникъ въ мысль учредителя, положенную въ основаніе начертанныхъ имъ правилъ о наградахъ. Онъ желалъ, чтобы наградъ были удостоиваемы не такія литературныя произведенія, которыя бы были признаны лишь лучшими изъ представленныхъ на состязаніе, — не такія, которыя имѣютъ или могутъ имѣть лишь сценической успѣхъ, часто основанный на второстепенныхъ достоинствахъ пьесы и на случайныхъ обстоятельствахъ; но созданія вполне художественныя, соответствующія требованіямъ строгой критики и имѣющія безусловное литературное достоинство. Поэтому-то для наградъ, назначенныхъ для драматическихъ произведеній, учредитель и не допускаетъ постепенностей: онѣ могутъ быть только полныя.

На нынѣшній конкурсъ театральныхъ пьесъ, представлено на судъ Академіи лишь два сочиненія; и оба они, какъ по приговору постороннихъ рецензентовъ, избранныхъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ литераторовъ, такъ и по мнѣнію Членовъ Коммисіи, не соответствуютъ означенной нормѣ, не смотря на то, что въ одномъ изъ нихъ, не лишенномъ нѣкоторыхъ до-

стоинствъ, обнаруживается знаніе сценическихъ условій и что поэтому оно, весьма вѣроятно, будетъ имѣть хотя временный успѣхъ на театрѣ.

Сочиненій по Русской Исторіи представлено было, для соисканія, пять; изъ нихъ двумъ присуждены Коммиссією малыя преміи, въ 500 руб. каждая. Эти сочиненія суть: 1) Г. Лешкова: *Русскій народъ и государство. Исторія Русскаго общественнаго права до XVIII столѣтія*; и 2) Ав. Энгельмана: *Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской Исторіи въ XIII и XIV столѣтіяхъ*.

Разсмотрѣніе перваго изъ нихъ было поручаемо г. профессору Московскаго Университета Ив. Дм. Бѣляеву. Въ представленномъ имъ пространномъ разборѣ, рецензентъ изложилъ какъ сущность содержанія труда г. Лешкова, такъ и оцѣнку главныхъ его выводовъ и положеній.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе самое заглавіе книги — *Исторія Русскаго общественнаго права*, такъ какъ терминъ *общественное право* является здѣсь въ употребленіи въ первый разъ и такъ какъ объемомъ понятія, съ нимъ соединяемаго, опредѣляется самое содержаніе сочиненія. Объясненію общихъ понятій о предметѣ и значеніи общественнаго права авторъ и посвящаетъ первую главу своей книги. Смотря на трудъ г. Лешкова исключительно съ точки зрѣнія исторической, мы не считаемъ нужнымъ входить въ разборъ этой первой, такъ сказать догматической статьи; но замѣтимъ, что общественное право г. Лешкова есть собственно право полицейское, въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ вошелъ въ употребленіе у юристовъ. Съ этимъ согласенъ и рецензентъ, который, однакоже, видитъ въ этомъ измѣненіи названія «свидѣтельство о правильномъ пониманіи предмета», такъ какъ вводимый г. Лешковымъ терминъ «вѣрнѣе очеркиваетъ кругъ или объемъ науки, и такъ сказать проливаетъ новый свѣтъ на самое дѣло.» Предоставляя юристамъ рѣшить въ какой степени это нововведеніе необходимо и полезно для науки, переходимъ къ

исторіи Русскаго общественнаго права, которую авторъ дѣлитъ на два періода: первый до Русской Правды включительно и второй—до начала XVIII столѣтія, и которую онъ начинаетъ положеніемъ, что каждый народъ находится подъ вліяніемъ своей особой идеи, составляющей, по его выраженію, *красную нитку* въ его исторіи, и представляющей отличительную черту одного народа отъ другихъ. Такую отличительную черту въ Русскомъ народѣ авторъ находитъ въ общинности, въ общинномъ бытѣ, въ способности составлять общины, постоянно держаться общиннаго устройства, порѣшая все при посредствѣ общины. Такое указаніе на общинный бытъ, какъ на отличительную черту Русскаго народа, рецензентъ находитъ вполне согласнымъ съ самымъ дѣломъ, съ исторіею нашего отечества, которую, по его мнѣнію, нельзя иначе объяснить, какъ общиннымъ бытомъ, что доказано несостоятельностью всѣхъ попытокъ къ объясненію нашей исторіи изъ другихъ началъ в тою удовлетворительностью, которую авторъ, по призванію рецензента, представилъ въ настоящемъ изслѣдованіи. Этотъ объясненіемъ, съ перваго приступа, обозначается точка зрѣнія в автора и рецензента на Русскую исторію. И такъ мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ приверженцами той теоріи, по поводу которой возникло въ новѣйшее время такое рѣзкое раздѣленіе между занимающимися Русскою исторіею. Таково свойство исторіи, что она всегда и вездѣ служила арсеналомъ, изъ котораго самыя противоположныя политическія воззрѣнія равно заимствовали оружіе для своей опоры. Принадлежность историка къ той или другой школѣ не исключаетъ, однако, для него возможности оказать истинныя услуги исторической наукѣ; напротивъ, антагонизмъ, контроверса, поддерживаемая даже нѣкоторымъ пристрастнымъ увлеченіемъ, всегда большею частью обращались въ пользу интересовъ науки, содѣйствуя къ проявленію темныхъ и спорныхъ историческихъ вопросовъ. Поэтому для Академіи, поставленной быть судьей состязающихся сочиненій, — судьей, для котораго безпристрастіе есть первый за-

конъ, одинъ лишь слишкомъ исключительный взглядъ г. Лешкова на Русскую исторію не могъ, самъ по себѣ, быть достаточнымъ поводомъ къ отказу въ преміи. Весь вопросъ, слѣдовательно, заключался въ томъ, что существеннаго принесло сочиненіе г. Лешкова изслѣдованію отечественныхъ древностей.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы послѣдуемъ за ученымъ рецензентомъ. Авторъ начинаетъ Исторію Русскаго общественнаго права изслѣдованіемъ о значеніи и постепенномъ развитіи древнѣйшей Русской общины въ формѣ *верви*; это изслѣдованіе, по мнѣнію рецензента, «представляетъ весьма замѣчательное явленіе въ нашей исторической литературѣ; оно такъ согласно съ требованіями науки, что съ нимъ нельзя не согласиться. Авторъ, въ своемъ изслѣдованіи, твердо стоитъ на исторической почвѣ и живо изображаетъ картину древней верви, картину «необходимую для изслѣдованій о древнемъ бытѣ Русскаго общества, картину, служащую основаніемъ и точкою отправленія для вѣрнаго пониманія всѣхъ послѣдующихъ явленій общественного быта на Руси. Изслѣдованіе о древней верви въ «нашей литературѣ является здѣсь въ первый разъ, и является въ удовлетворительной полнотѣ и ясности. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ можно еще не согласиться съ авторомъ, но противъ общаго впечатлѣнія спорить нельзя». Предъявивъ свои возраженія противъ взгляда г. Лешкова о томъ, что древнѣйшею формою верви была сельская община, изъ которой позже произошли города, рецензентъ находитъ, что послѣдующія затѣмъ разысканія автора о Русской Правдѣ раскрываютъ «въ этомъ «памятникѣ рѣшеніе многихъ вопросовъ общественного права и «впервые проливаютъ свѣтъ на такой отдѣлъ нашей исторіи, къ которому прежніе изслѣдователи даже и не подходили. Г. «Лешковъ, по замѣчанію рецензента, первый взглянулъ на «Русскую Правду со стороны общественного права, и взглядъ «его имѣетъ на своей сторонѣ вѣрное пониманіе предмета и «умѣніе раскрывать памятники».

Второй періодъ своей исторіи общественного права, отъ

Русской Правды до начала XVIII столѣтія, авторъ начинаетъ указаніемъ на связь послѣдующаго законодательства съ Русскою Правдою и затѣмъ переходитъ къ опредѣленію значенія семьи, общины и государства, и къ ихъ отношеніямъ другъ къ другу во время втораго періода. «Здѣсь», по мнѣнію рецензента, «авторъ метко и вѣрно опровергаетъ тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что удѣльное время положило основаніе и начало развитію вотчинности князей и кормленія бояръ, въ томъ смыслѣ, что князья были не государями, а господами народа, бояре же и княжіе мужи не были правителями областей, а только сборщиками въ нихъ разныхъ доходовъ». Указавъ сущность доводовъ автора, рецензентъ заключаетъ, что г. Лешковъ, «своимъ многостороннимъ изученіемъ памятниковъ, добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ и глубокимъ пониманіемъ предмета, съ полною ясностію доказалъ несостоятельность и ошибочность мнѣній и началъ, представляемыхъ его пропущенными и настоящимъ его изслѣдованіемъ, навѣрное, останется руководствомъ для послѣдующихъ изслѣдователей».

Слѣдуя за авторомъ, критикъ представляетъ затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ результаты изысканій г. Лешкова относительно историческаго развитія, во второмъ періодѣ, законовъ благоустройства, названныхъ имъ законами установительными, и къ которымъ онъ отнесъ попеченія о народонаселеніи, постановленія о личномъ и семейномъ правѣ, о путяхъ сообщенія, о ямской гоньбѣ и почтахъ, о разныхъ видахъ промышленности и о народномъ образованіи. Г. Бѣляевъ въ особенности указываетъ на положенія автора относительно весьма ограниченнаго объема, въ какомъ существовало въ Россіи рабство въ этомъ второмъ періодѣ. Не отвергая существованія его въ древней Россіи, г. Лешковъ доказываетъ, что оно сравнительно было незначительно и не имѣло, въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, широкихъ основаній для своего развитія, и это положеніе, по отзыву рецензента, «основано на прямыхъ и ясныхъ свидѣтельствахъ памятниковъ и на глубокомъ ихъ

«изученіи». Относительно изслѣдованій автора о ямской гоньбѣ и почтѣ, г. Бѣляевъ замѣчаетъ, что они отличаются предъ другими изслѣдованіями отомъ же предметѣ особенною полнотою собранныхъ свѣдѣній и умѣніемъ автора допытываться настоящаго смысла отъ древнихъ актовъ, а относительно статьи о разныхъ видахъ промышленности заключаетъ, что она «представляетъ полную, разнообразную картину Русской промышленности стараго времени, и такую картину, каковой еще не представляла наша историческая литература. Авторъ не только умѣлъ собрать огромную массу свѣдѣній объ этомъ предметѣ, но и умѣлъ собраннымъ свѣдѣніямъ дать научное значеніе и надлежащій смыслъ. У него нерѣдко небольшая и уже извѣстная грамота получаетъ весьма важное значеніе и раскрываетъ дѣло на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ; такъ, на примѣръ, извѣстная грамота Всеволода, данная въ XII вѣкѣ Ивашской купеческой общинѣ въ Новгородѣ, сличенная авторомъ съ разными подобными грамотами послѣдующихъ столѣтій вплоть до Новоторговаго устава 1656 года, является почти руководствомъ для производства иностранной торговли во все послѣдующее время».

Въ отношеніи оцѣнки вліянія Монгольскаго ига на развитіе народнаго образованія, рецензентъ расходится съ авторомъ и доказываетъ, что если владычество Монголовъ и могло до нѣкоторой степени преграждать для Россіи сближеніе съ Византіею и съ нѣкоторыхъ сторонъ заслоняло отъ насъ цивилизацію запада, то во всякомъ случаѣ оно не могло остановить естественное движеніе Русскаго народнаго образованія; ибо это образованіе, какъ чисто національное, разлитое, какъ говоритъ самъ же авторъ, по всему народу, не могло быть остановлено въ своемъ движеніи игомъ большею частью внѣшнимъ, мало касавшимся внутреннихъ сторонъ народной жизни; къ тому же и самые факты, по замѣчанію г. Бѣляева, нисколько не доказываютъ остановки народнаго образованія во время Монголовъ.

Исторію законовъ благочинія, которые авторъ называетъ

законами охранительными, онъ раздѣляетъ на два отдѣленія, относя къ первому законы *предупредительные*, а ко второму — *возстановительные*. Къ предупредительнымъ онъ относитъ законодательныя распоряженія, направленныя противъ враждебныхъ дѣйствій природы и человѣка, и включаетъ сюда мѣры безопасности населенія, мѣры обезпеченія народнаго продовольствія и народнаго здравія, мѣры безопасности отъ пожаровъ и наводненій, законы о паспортахъ и о ценсурѣ. Наконецъ заключительную статью составляетъ обзоръ законовъ, названныхъ г. Лешковымъ *возстановительными*, куда онъ относитъ мѣры общественнаго призрѣнія. Въ отношеніи этихъ отдѣловъ труда г. Лешкова рецензентъ представляетъ сводъ главныхъ положеній автора, указывая мѣстами нѣкоторые пропуски его, а въ отношеніи изслѣдованія г. Лешкова о неурожаяхъ, голодныхъ годахъ и мѣрахъ обезпеченія народнаго продовольствія въ древней Россіи, съ 1024 по 1608 годъ, онъ говоритъ, что это есть «полное, отчетливое и еще доселѣ не бывалое въ нашей литературѣ обзоръ предмета.»

Г. Профессоръ Бѣляевъ оканчиваетъ разборъ книги г. Лешкова слѣдующимъ заключеніемъ: «Книга сія составляетъ истинное и важное пріобрѣтеніе учено-исторической отечественной литературы, какъ по важности и новости вопросовъ, поднятыхъ авторомъ, такъ и по вѣрному и обстоятельному рѣшенію сихъ вопросовъ. Авторъ въ своей книгѣ о многомъ заговорилъ у насъ первый, многому самъ пролагалъ дорогу, и, несмотря на новостъ предмета, многое рѣшилъ такъ удовлетворительно, что, при настоящемъ состояніи источниковъ, болѣе удовлетворительнаго рѣшенія и ожидать нельзя. Исторія общественнаго права въ Россіи настоящимъ трудомъ г. Лешкова съ разу поставлена на такую точку, какой другіе отдѣлы исторической науки достигали въ нѣсколько пріемовъ, и, по моему убѣжденію, Императорская Академія Наукъ вполне удовлетворитъ справедливости, если присудитъ г. Лешкову полную Уваровскую премію.»

Коммисія съ благодарностью приняла трудъ г. Бѣлева о сочиненіи г. Лешкова, и хотя она не могла исполнѣть и во всѣхъ отношеніяхъ согласиться съ безусловнымъ его одобреніемъ книги г. Лешкова, тѣмъ не менѣе сочла справедливымъ поощрить трудолюбиваго автора присужденіемъ ему малой преміи.

Другое, увѣнчанное на нынѣшнемъ конкурсѣ сочиненіе — *Хронологическія изслѣдованія г. Энгельмана въ области Русской и Ливонской исторіи XIII и XIV столѣтій*, было разсмотрѣно Академикомъ М. П. Погодинымъ.

Ливонія, которой минувшія судьбы представляютъ собою для ученаго изслѣдователя такъ много занимательнаго, постоянно продолжаетъ вызывать новыхъ дѣятелей для разработки ея историческихъ матеріаловъ. Наперскій, Бунге, Тобиенъ и многіе другіе посвящали ей труды свои; въ нынѣшнемъ году Академія присудила половинную Демидовскую награду г. Бреверну за его *Studien zur Geschichte Liv-, Est- und Kurlands* и удостоила почетнаго отзыва сочиненіе г. Рихтера: *Geschichte der Ostseeprovinzen*. И вотъ является на Уваровскій конкурсъ сочиненіе г. Энгельмана — трудъ добросовѣстный и дѣльный, несмотря на частность предмета. «Тщательное изученіе источниковъ», говоритъ рецензентъ, «напряженное вниманіе ко всякому значительному слову, подборъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, благоразумная осторожность въ выводахъ, употребленіе различныхъ остроумныхъ приемовъ для повѣрки — вотъ отличительныя достоинства этого сочиненія, которое доставляетъ наукѣ нѣсколько положеній, если не блистательныхъ, то вѣрныхъ и «нужныхъ для дальнѣйшихъ ея успѣховъ.»

Чтобы показать взглядъ автора на важность хронологіи для исторіи, позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя его замѣчанія, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какъ глубоко вникалъ онъ въ дѣло исторической критики, и какъ искренно былъ ему преданъ. «Хронологическія изысканія, говоритъ онъ, какъ нельзя лучше приучаютъ къ точности и отчетливости въ разрѣшеніи историческихъ вопросовъ вообще, и, поведенныя какъ слѣдуетъ,